

грамот: “Россия когда-то владела западным побережьем Соединенных Штатов, Калифорнией. Как раз там я родился. Я родился на территории России. В Сан-Франциско есть холм, который так и называется — Русский холм. Неподалеку от него я родился”. Никто из русских не отреагировал, когда Фрост сказал, что если поэт получает за свои стихи слишком мало денег, он подрабатывает, как любой другой человек. “У вас то же самое?” — спросил Фрост, но его вопрос остался без ответа. Распорядительницы заверили его, что русские поэты полностью загружены работой и широко публикуются. Фрост рассказывал о своем жизненном пути, о том, сколько занятий он сменил в молодости, “только чтобы заработать на хлеб”.

Он предельно устал, и казалось, его еще больше утомляло отсутствие отклика у аудитории. “Погодите, это еще не предел нашего сближения, — сказал он. — Мне есть что сказать вам начистоту”.

Кто-то спросил его, не мешает ли ему общаться языковой барьер. Фрост ответил с улыбкой: “Мы все смеемся на одном и том же языке”.

Наши чемоданы были сложены в багажники черных, похожих на “бьюики” “ЗИМов”, и мы поехали в гостиницу “Советская” — элитный отель для важных иностранных гостей (в прошлом в том здании располагался знаменитый ресторан “Яр” с цыганским хором). Терри Кадерман и Джек Мэтлок из культурного отдела американского посольства встречали Фроста в аэропорту. Теперь Мэтлок остался поужинать в гостинице. Фросту было приятно его присутствие и то, что он был с ним большую часть поездки. Ему импонировала его откровенность, и он восхищался его одаренностью. Сурков и Твардовский тоже поехали с Фростом в гостиницу, чтобы убедиться, что он благополучно устроился. Разговор в машине пока не был доверительным, но вдруг Твардовский ввернул